

В статье детально анализируются истоки сложившихся в российской нефтепереработке проблем. Приведен критический взгляд на принципы и подходы государственного управления в процессе формирования рыночных отношений. На основе анализа количественных и качественных показателей развития отечественной нефтепереработки сделан вывод о том, что глубокий системный кризис в отрасли во многом вызван отсутствием четких и прагматичных целевых установок развития и необоснованными надеждами на всеисильность рыночных механизмов регулирования.

Ключевые слова: нефтепереработка, рыночные преобразования, государственное регулирование, монополизм, модернизация, инвестиции

На краю пропасти, или как мы заблудились в поисках легких путей

В.А.КРЮКОВ, *член-корреспондент РАН, E-mail:kryukov@ieie.nsc.ru*
В.Ю. СИЛКИН, *кандидат экономических наук, E-mail:silkin@ieie.nsc.ru*
В.В. ШМАТ, *кандидат экономических наук, Институт экономики
и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск*

Все современные проблемы отечественной нефтепереработки, включая «квазимодернизацию» последних лет, по сути своей – не самостоятельные, они являются результатом того, что в механизме развития отрасли, равно как и всей российской экономики, присутствует некий **серьезный внутренний дефект**, тормозящий количественный и – в особенности – качественный рост.

Очевидно, что этот дефект связан с несовершенством институциональной среды. И налоговая система у нас далека от идеала, и техническое регулирование хромает, и антимонопольное законодательство недостаточно эффективно, и многое другое. Все это так, но дает лишь поверхностное объяснение происходящих процессов. Ведь нам, вроде бы, никто не мешает принять и исполнять «хорошие» законы и нормы, объективно учитывающие российские реалии, возможности и ограничения. Почему мы не можем этого сделать, чтобы решить свои экономические проблемы, а в их числе – общественно эффективным образом модернизировать и развивать нефтепереработку?

Реформа без цели, или почему Россия не Китай

*Воля волей, если сил невпроворот, –
а я увлекся:
Я на десять тыщ рванул, как на пятьсот –
и спекся!*
Владимир Высоцкий

Главное видится в отсутствии политической воли, которая подтолкнула бы развитие в нужном направлении – к максимизации общественных выгод. И это относится не только к нефтепереработке, но и ко всей российской экономике. То, что происходит в отечественной нефтепереработке, является частью общих тенденций, поэтому просто бессмысленно искать первопричины проблем внутри отрасли.

Политическая воля требуется не для того, чтобы заставить российский бизнес инвестировать в национальную экономику, а не в заграничную, поддерживать и внедрять собственные инновации, а не чужие. Отнюдь. **Политическая воля нужна для того, чтобы внести серьезные коррективы в процессы экономических преобразований, происходящих в нашей стране.**

Было бы крайне наивным полагать, что реформы в российской экономике уже закончились, что мы перешли к рынку, и теперь остается только регулировать и подстраиваться под изменяющиеся обстоятельства. Целенаправленные преобразования, ведущие к построению современной во всех отношениях – структурном, технологическом, институциональном, социальном и проч. – экономики, у нас еще и не начинались.

На словах мы декларируем стремление к модернизации, а на деле выявляется неясность или даже полное отсутствие внятно сформулированных, адекватных внутренним и внешним условиям, прагматичных целей развития и реформирования экономики. А если этого нет, если непонятно, зачем, что и как мы хотим модернизировать, то нет и стремления, нет воли к достижению заявленных целей. У правящей элиты нет должных мотиваций к успеху и прогрессу национальной экономики и ее ключевых отраслей.

Такая ситуация сложилась отнюдь не сегодня. Бесцельность – это общий дефект всех экономических реформ, проводимых уже без малого три десятилетия, с эпохи горбачевской «перестройки». А может, и со времен брежневского

«застоя», когда предпринимались робкие попытки обновить целевые установки в социально-экономическом развитии и был взят курс на рост благосостояния народа в противовес прежним ориентирам сугубо производственного характера и лозунгам типа «Догнать и перегнать!».

Если отвлечься от идеологической стороны вопроса, то нужно признать, что «догнать и перегнать» – в добыче нефти и выработке электроэнергии, в выпуске тракторов и выплавке стали, и т.д. и т.п. – для населения страны не было пустым звуком. В годы первых советских пятилеток, и особенно в 1950–1960-е годы, бурное развитие экономики выливалось в реальное повышение уровня жизни и улучшение социального климата, ощутимые едва ли не каждым человеком. Нашим отцам и дедам несложно было выстроить корреляции между ростом собственного благополучия и достижениями в экономическом развитии страны. Что-то очень и очень похожее наблюдается сейчас в Китае, и власти этой страны даже не скрывают того, что в значительной степени опираются на опыт советских пятилеток.

В Советском же Союзе в 1970-х годах «правильные корреляции» в сознании как обычных людей, так и властной элиты начали постепенно размываться. В 1980-х они уже стали крайне слабыми, а с переходом к рыночным преобразованиям практически полностью исчезли.

Мы возомнили переход к рынку и реформирование хозяйственных отношений чуть ли не главной целью. Дескать, если будет рынок, то у всех появятся стимулы и мотивация к эффективной деятельности. Частные собственники станут заведомо более эффективными управителями, нежели государство, и... Все проблемы «рассосутся» сами собой, а наша экономика пойдет вперед семимильными шагами.

Увы, этого не произошло, да и не могло произойти. Либерализация хозяйственных отношений, переход к рынку не могут быть целью преобразований. Это всего лишь инструмент или некая предпосылка, а точнее – первоначальный импульс для модернизации застопорившейся директивно-плановой экономики и обеспечения устойчивого экономического роста на новом базисе. Это в Китае целью является развитие, а средством достижения – реформы! Но Россия – не Китай, у нас все наоборот...

Мы выбираем легкие пути

*Сигнал посылаем: «Вы что это там?» –
А нас посылают обратно...
Владимир Высоцкий*

В представлении идеологов реформ и российских властей рынок стал едва ли не безусловной альтернативой плану и планированию. Так начался поиск легких путей в преобразовании национальной экономики, которые не требовали бы от государства постоянной и кропотливой работы по планированию экономического развития и контролю за выполнением планов и программ.

Путь построения рыночной модели функционирования был выбран и в нефтегазовом секторе. По мере развития рыночных отношений и формирования вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК) государство фактически устранилось от прямого участия в управлении сектором и сосредоточилось в основном на мерах косвенного регулирования через налоговые механизмы, лицензирование, таможенное регулирование, технические регламенты и т.д. В отсутствие жесткого прямого контроля отрасль была отдана на откуп компаниям и рыночной стихии. Но, как показывает пример нефтеперерабатывающей промышленности, когда нет четких целевых (плановых) установок со стороны государства, надежда на рыночные механизмы регулирования приводит к печальным последствиям.

Если рассматривать реформирование институтов и хозяйственных отношений как импульс, то нельзя забывать, что действие любого импульса скоротечно. Чтобы сохранить в экономическом развитии полученное ускорение, требуются постоянная работа, регулярные и целенаправленные усилия – наподобие упражнениям с популярным сейчас гаджетом под названием «powerball»¹.

¹ Спортивный тренажер, принцип работы которого основан на свойствах двухосного роторного гироскопа. Представляет собой небольшой предмет шаровидной формы.

Тренажер во время использования необходимо крепко удерживать в руке, так как силы действия будут пытаться отклонять его в разные стороны. Сначала необходимо придать ротору некоторый минимальный кинетический момент. Для облегчения запуска используется стартер в виде шнура...

Когда ротор раскручивается до 2–3 тыс. оборотов в минуту, человек, удерживающий тренажер в руке, может разогнать его до значительно более высоких скоростей... – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Powerball>.

Этот спортивный тренажер нужно крепко сжимать в руке и поддерживать вращение с помощью постоянных, плавных и ритмичных движений кисти. Тогда скорость вращения ротора может достигать нескольких тысяч оборотов в минуту. Сила и резкие движения не нужны, главное – постоянство и координация движений. Проводя параллели с экономикой, можно сказать, что сегодня мировым рекордсменом в упражнениях с «экономическим powerball'ом» является Китай, который усердно и монотонно раскручивает запущенный гироскоп, не давая ему остановиться. Мы же судорожно и порой с огромными усилиями дергаем руками и тщетно пытаемся раскрутить свой «powerball» после того, как стартовый импульс уже ослаб.

В настоящее время в России мало что изменилось в понимании процессов, происходящих в экономике, и в отношении государства к управлению процессами экономического развития.

По-прежнему в чести наивно либеральные взгляды: дескать, если мы что-то хотим развить, нужно «создать условия», «подать сигнал», а остальное – дело бизнеса, и за ним «не заржавеет». Мы по-прежнему продолжаем искать легкие пути – легкие для государства, которое никак не хочет становиться ответственным и эффективным менеджером страны.

Нужно развить нефтепереработку? Введем льготный экспортный режим для нефтепродуктов – и компании проинвестируют дополнительные доходы в модернизацию производства... Нужны инновации? Построим технопарки (т.е. попросту говоря – стены и крыши) – и бизнес тотчас на это откликнется ростом технологических, инжиниринговых и венчурных компаний, а там и до инновационного бума рукой подать.

Еще раз увы... Это слишком наивные ожидания. И мы уже смогли в этом убедиться на примере модернизации нефтепереработки: в условиях, когда отсутствуют четко обозначенные цели развития и неясны мотивации, посыл каких-либо сигналов бизнесу путем экспортных льгот не дает ожидаемых результатов и не может играть роль постоянно действующего стимулятора для развития производства. В общем, как в песне у Владимира Высоцкого...

Куда заводят легкие пути?

К монополизму, застою и убыткам казны...

В результате «большого скачка» в сторону рыночных отношений нефтегазовые компании получили ничем не оправданную свободу действий. И чем крупнее компания, тем больше свободы. Это – райские условия для монополистов. Реальной конкуренции на рынке нет. Вместо нее происходит то явное, то скрытое соперничество между крупнейшими нефтегазовыми компаниями за влияние и власть – в экономике и в обществе.

А крупнейшие российские компании – государственные. Создается иллюзия, что государство контролирует процессы развития нефтегазового сектора. На самом же деле оно стало заложником корпоративных интересов госкомпаний. Госкомпании (да и не только «гос») умело лоббируют свои интересы в коридорах власти на всех ее уровнях, фактически добиваясь того, что эти интересы приобретают характер национальных. Что хорошо для «Роснефти» – хорошо для России. Иными словами, сегодня мы пришли к тому, от чего 100 лет назад ушла Америка со своей «Стандард Ойл».

Всячески покровительствуя своим детищам и создавая им преференции, государство оказывается в плену иллюзий относительно своего лидерства в нефтегазовом секторе. Считается, что забота о госкомпаниях равнозначна заботе о национальных интересах и национальном рынке. Но если взглянуть правде в глаза, то можно увидеть, что по сути рынок в отрасли за 20 лет так и не появился.

Доставшуюся в наследство от СССР систему нефтепродуктообеспечения мы так и не перевели на рыночные рельсы. На сегодняшний день вся территория России поделена на зоны влияния нефтяных компаний. Монополизм был заложен еще на этапе формирования ВИНК, когда в создаваемые нефтяные компании вошли региональные предприятия нефтепродуктообеспечения. В оптовом звене в регионах ВИНК не конкурируют между собой, сложилась ситуация коллективного доминирования ВИНК: через них проходит 80% оптовых поставок на внутренний рынок, независимых игроков практически не осталось. Заместитель руководителя ФАС А. Голомолзин

констатирует: «Инструментов, которые бы гарантировали доступ независимых игроков рынка к инфраструктурным объектам в сфере оборота нефтепродуктов, пока нет»².

Более того, и в розничном сегменте нефтяные компании уже скупили основную часть привлекательных объектов. Сейчас на территории РФ из 24–25 тыс. АЗС только 8 тыс. входят в состав ВИНК, но объемы реализации при этом составляют 50:50. То есть объемы реализации у ВИНК на своих корпоративных заправках в среднем в 3 раза выше, чем на независимых. Например, по внутренним стандартам «ЛУКОЙЛа», заправочная станция считается малорентабельной, если на ней реализуется меньше 4 тыс. л в сутки³.

«В условиях широко распространенной практики дискриминационного ценообразования оборот независимых трейдеров постепенно сокращается. Если раньше он оценивался в 65%, то сейчас – примерно 50%. Оптовые цены для сторонних АЗС всегда выше, чем для сбытовых подразделений ВИНК. Стабильная поставка нефтепродуктов независимым тоже не гарантируется. По совокупности проблем они вынуждены уходить с рынка»⁴. Точнее, вариантов – два: либо закрываться (посмотрите, например, на количество предложений о продаже независимых АЗС в Алтайском крае), либо держаться на плаву за счет «бодяги».

Тема доминирования ВИНК на региональных розничных рынках – это вечная головная боль ФАС. Доля ВИНК превышает 35% на розничных рынках 50 субъектов Федерации. В каждом третьем регионе она достигала 50–60%. «Роснефть» доминирует в 15 регионах, «ЛУКОЙЛ» – в 11, «Сургутнефтегаз» – в четырех, ТНК-ВР и «Газпром нефть» контролируют по три региональных топливных рынка. По оценке ФАС, совокупная доля крупнейших нефтяных компаний на рынке автомобильных бензинов превышает 70%⁵.

² Голомолзин А. Проблему территориального раздела рынка нужно решать // Нефть и капитал. – 2011. – № 7.

³ Сергиенко Г. В некоторых регионах розничные цены ниже оптовых // Нефть и капитал. – 2011. – № 4.

⁴ Голомолзин А. Проблему территориального раздела рынка нужно решать.

⁵ Формула топливной справедливости // Нефтегазовая вертикаль. – 2011. – № 7.

Монополизм, расцветший махровым цветом в отечественной нефтепереработке, в полном соответствии с теорией привел к банальным результатам. Прежде всего – к застою в развитии самой отрасли и к убыткам для государства.

Как и 30 лет назад, у нас первичная переработка явно доминирует над вторичной. Но нефтяников это мало беспокоит. В условиях дифференцированных экспортных пошлин на нефтепродукты и при отсутствии контроля за модернизацией НПЗ компании на протяжении 7 лет по максимуму загружали свои перерабатывающие мощности и «замазучивали» экспорт, получая при этом маржу, которой могли позавидовать зарубежные производители.

Налоговое регулирование, действовавшее в отрасли до 2011 г., позволяло российским нефтяным компаниям иметь высокую маржу, несмотря на технологическую отсталость. Бывший министр энергетики С. Шматко сокрушается по этому поводу: «В 2008 г. маржа среднего российского НПЗ была равна 15 долл./барр., что в два–три раза превышало маржу западных предприятий, гораздо более технологичных»⁶.

Призывая на словах к развитию глубокой переработки сырья, правительство с помощью пониженных пошлин на темные нефтепродукты с 2004 г. по 2011 г. стимулировало экспорт мазута.

При этом государство фактически теряло налоги от дополнительного экспорта нефтепродуктов, поскольку средняя экспортная пошлина для тонны нефтепродуктов с 2005 г. колебалась вокруг отметки в 50% от соответствующей ставки для сырой нефти. По самой низкой ставке (примерно 40%) облагался экспорт мазута. Таким образом, создавая условия для рентабельного экспорта мазута, государство стимулировало компании к увеличению загрузки технически отсталых НПЗ с наращиванием производства низкосортной продукции. Экспортируя ее, компании фактически уничтожают добавленную стоимость и косвенным образом субсидируют европейские НПЗ, которые занимаются вторичной переработкой «нефтеполупродуктов» из России в конечные продукты.

⁶ Шматко С. Комплексный ответ на старые вопросы // Нефть России. – 2001. – № 2.

Несложный расчет показывает, что за 2005–2010 гг. суммарные потери бюджета вследствие льготного обложения экспорта нефтепродуктов составили около 40 млрд долл. (табл. 1).

Таблица 1. Примерный расчет суммы льгот по экспорту нефтепродуктов в страны дальнего зарубежья в 2005–2010 гг., долл./т

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	Итого
Средняя цена нефти	344	430	485	696	420	557	488
Средняя экспортная пошлина на нефть	130	197	206	355	179	274	223
Средняя цена нефтепродуктов	47	430	464	675	387	527	476
Средняя экспортная пошлина на нефтепродукты (50% от ставки на сырую нефть)	65	98	137	178	90	137	112
Дополнительные издержки (процессинг и транспорт нефтепродуктов – в среднем)	95	95	95	95	95	95	95
Средняя нетто-цена нефтепродуктов	252	335	432	580	292	432	391
Справедливая ставка экспортной пошлины на нефтепродукты (по соотношению «цена нефти/нетто-цена нефтепродуктов»)	96	153	184	296	125	212	180
Размер льгот	30	55	47	118	35	75	61
Экспорт нефтепродуктов, млн т	93	98	105	108	115	127	645
Сумма льгот, млрд долл.	2,8	5,4	4,9	12,7	4,1	9,5	39,5

Источник: Федеральная таможенная служба РФ. – URL: <http://www.customs.ru>.

Общий объем инвестиций в российскую нефтепереработку за все эти годы не превысил 25 млрд долл. Получается, что экспортные льготы для переработчиков нефти почти на 40% (около 15 млрд долл.) были предоставлены впустую.

Да и были ли они нужны? Отталкиваясь от данных государственной статистики и финансовой отчетности крупнейших российских нефтяных компаний, чистую добавленную стоимость в нефтепереработке за шесть рассматриваемых лет можно оценить в 90–100 млрд долл⁷. Таким образом, совокупный внутренний инвестиционный потенциал отрасли был использован по назначению, т.е. для вложений в развитие самой нефтепереработки, всего на 25–28%, а без учета экспортных льгот – едва наполовину.

В таком случае спрашивается, куда смотрело правительство и зачем оно столь щедро одаривало нефтяников?

⁷ Чистая прибыль + амортизация основных средств.

В жертву принесен внутренний рынок нефтепродуктов

Главной «жертвой» неоправданной свободы нефтяных компаний при попустительстве со стороны государства стал внутренний рынок нефтепродуктов.

Снова процитируем А.Голомолзина: «Прибыль у нефтяников даже в самый благоприятный период не опускалась, по данным Росстата, ниже 23–25%, а в кризисном 2008-м находилась на уровне 38%. Вывод также очевиден: цена превышает сумму необходимых для производства и реализации такого товара расходов и прибыли, т.е. является монопольно высокой. *Политика нефтяных монополий по сути является колониальной*» (курсив наш)⁸.

Как говорится, дальше некуда. Компании, которые были созданы в ходе рыночных реформ, инициированных и руководимых государством, компании, которые в значительной степени принадлежат государству, проводят колониальную политику по отношению к собственной стране! Это говорит о фактическом провале реформ – во всяком случае, если подразумевать, что их целью было развитие национальной экономики в интересах общества и государства.

Для чего нужна нефтепереработка большим экономикам? Прежде всего, для обеспечения внутреннего рынка нефтепродуктами. Все остальное – экспортные доходы, пополнение государственной казны, мультипликативные эффекты в экономике и проч. – хоть и очень важно, но вторично!

Да, по своим масштабам российский внутренний рынок нефтепродуктов сегодня далек от китайского и тем более – американского, но им нельзя пренебрегать. Даже если посмотреть сугубо прагматическим взглядом, отбросив в сторону соображения морально-этического характера (бог с ним – с патриотизмом), нужно признать, что количественный и качественный рост внутреннего рынка, находящегося под разумным протекторатом государства, является одним из главных стимулов для развития производства и притока капиталов.

Емкость внутреннего рынка нефтепродуктов самым непосредственным образом отражает состояние экономики

⁸ Коммерсантъ Деньги. – 2010. – № 27 (784).

и уровень жизни населения. По величине потребления нефти в расчете на душу населения Россия в настоящее время кратко уступает всем промышленно развитым государствам мира, не говоря уже о странах-экспортерах нефти, в которых насыщение внутреннего рынка топливом по низким ценам рассматривается в качестве одного из главных социальных приоритетов (табл. 2).

Таблица 2. Динамика душевого потребления нефти в некоторых странах мира в 1985–2011 гг., кг/чел.

Страна	1985	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Саудовская Аравия	4032	3282	3142	3305	3556	3703	3912	4194	4672	4739	4551
Канада	2829	2881	2723	2869	3106	3074	3145	3088	2879	3011	2946
США	2981	3097	2992	3133	3171	3108	3045	2836	2714	2750	2660
Южная Корея	639	1154	2249	2208	2166	2168	2220	2130	2128	2169	2158
Австралия	1709	1847	1950	1964	1969	2003	1991	2026	1924	1943	1977
Япония	1718	2001	2130	2016	1913	1855	1790	1727	1554	1572	1574
Западная Европа	1516	1592	1653	1675	1662	1657	1603	1588	1500	1480	1436
Венесуэла	1136	1006	997	1067	1084	1120	1162	1192	1228	1281	1289
Россия	1672	1697	1026	840	861	918	870	915	880	902	950
Бразилия	406	434	506	550	512	512	537	569	564	611	614
Китай	85	98	133	178	250	267	279	283	291	327	342
Индия	58	68	82	106	109	108	118	125	132	132	132

Примечание: по данным BP Statistical Review of World Energy – June 2012. – URL: <http://www.bp.com/statisticalreview>

Из числа больших экономик ниже нас только Индия, Китай и Бразилия. Но если за последнюю четверть века душевое потребление нефти в России сократилось почти в 1,8 раза, то в Китае (с его огромным населением) оно выросло более чем в четыре раза, а в Индии – в два с лишним раза. Это наглядно иллюстрирует не только различия в динамике экономического развития и уровня жизни населения, но и разное отношение к внутреннему рынку со стороны государства.

В отличие от Китая, в России государство вспоминает о проблемах внутреннего рынка лишь тогда, когда возникают физически ощутимые топливные кризисы. Тогда и ограничения на экспорт нефтепродуктов вводятся, и ставки экспортных тарифов пересматриваются. Но все это делается в сложившемся коридоре поиска легких путей. Судорожные

регуляторные меры, может быть, и хороши как «средство тушения пожара», но абсолютно бесполезны с точки зрения «организации противопожарной безопасности», т.е. формирования механизмов устойчивого развития нефтепереработки в интересах внутреннего рынка – прежде всего.

Сейчас крупные нефтяные компании начинают смотреть на внутренний розничный рынок как на проблемный актив, так как терпят реальные убытки в розничном сегменте. Так, по данным «Роснефти», чистая маржа переработки в январе 2011 г. составила 2,2 долл./барр., в феврале – 5,1, а в марте стала отрицательной – минус 0,7 долл./барр.⁹ В таких условиях, вопреки официальным заявлениям о необходимости развивать производство высококачественных топлив, отечественные НПЗ отнюдь не горят желанием расширять выпуск бензина.

Хотим мы или нет, но рост мировых цен означает увеличение экспортного «нетбэка» и, как следствие, стремление производителей повысить цены на внутреннем рынке России. В этом же направлении действует на цены и рост косвенных налогов. По состоянию на начало 2012 г. доля налогов в розничной цене литра бензина АИ-92 превысила 55%, из них по 15% приходится на НДС и нефтяной НДС, а еще почти 22% – на акциз (рис. 1). Издержки производства, транспортировки и сбыта в структуре цены в целом занимают около 40%. На чистую прибыль остается 8%, или 2,1 руб. с литра (2,8 тыс. руб. с тонны) проданного бензина¹⁰.

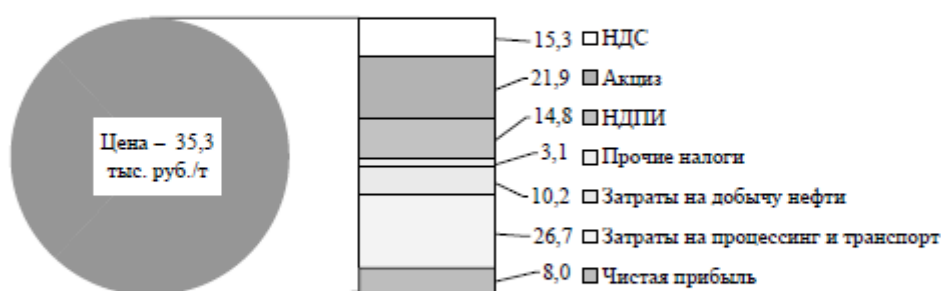

Рис. 1. Структура розничной цены автобензина АИ-92 в начале 2012 г., %

⁹ Мещерин А. Бензиновый популизм // Нефтегазовая вертикаль. – 2011. – № 12.

¹⁰ Литр расходов на литр бензина? // Нефтегазовая вертикаль. – 2012. – № 5.

У российских ВИНК 3/4 материальных потоков уходят на экспорт (половина добываемой нефти и еще такая же доля выпускаемых нефтепродуктов). Спрашивается, нужен ли им внутренний рынок с маржой в 8%? Сегодня внутренний рынок попросту не интересен нашим нефтяникам, поскольку не способен стабильно приносить доходы, сопоставимые с доходами от экспорта сырой нефти и нефтепродуктов. И уж тем более он не интересен – в инвестиционном плане – для иностранного капитала.

Налоги и цены на бензин против... модернизации и потребителей

Уже не один год наше правительство усаживается не то чтобы между двумя, а между тремя стульями, пытаясь одновременно стимулировать обновление перерабатывающих мощностей, сдерживать рост цен на нефтепродукты на внутреннем рынке и пополнять казну за счет нефтегазовых налогов. Неудивительно, что получается не слишком удачно, поскольку задачи являются взаимоисключающими. Парадокс же состоит в том, что у нас и «непослушные» цены растут, и модернизация нефтепереработки вяло продвигается, и бюджет в дефиците.

По уровню розничных цен на автобензин мы уже несколько лет назад сравнялись с США, а если пересчитать по паритету покупательной способности, то нынешние российские цены оказываются выше американских в 1,7 раза и ниже европейских всего на 20%. Топливный эквивалент (по ценам на автобензин) заработной платы в России вдвое ниже, чем в Германии, и в пять с лишним раз ниже, чем в США.

Сведены к минимуму субсидируемые за счет нефтяных компаний поставки топлива социально значимым потребителям, например, российским аграриям. В 2010 г. сельскохозяйственные товаропроизводители приобрели 3,8 млн т дизельного топлива и 880 тыс. т бензина, что составляло соответственно 96,6% и 89,1% к уровню 2009 г. За период поставки топлива на льготных условиях (с 20 марта по 31 декабря 2010 г.) с 10%-й скидкой было приобретено 2,2 млн т дизельного топлива

и 238 тыс. т бензина¹¹ – это примерно 3,5% общего объема поставок моторных топлив на внутренний рынок.

Как показывает пример нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», в 2010 г. продажи нефтепродуктов на внутреннем рынке практически сравнялись по ценовой эффективности с экспортом. И лишь благодаря «героическим усилиям» государства по замораживанию цен на нефтепродукты в 2011 г. произошел откат в соотношении доходности (рис. 2).

Источник: данные финансовой отчетности НК «ЛУКОЙЛ»

Рис. 2. Сравнительная динамика средних цен реализации нефтепродуктов НК «ЛУКОЙЛ» на внутреннем и внешнем рынках в 2000–2012 гг., долл./т

А что же налоги? Действующая в России модель регулирования и налогообложения нефтегазового сектора главным образом нацелена на пополнение доходной части федерального бюджета. И власти боятся что-либо принципиально менять в условиях, когда российский бюджет находится в столь сильной (более половины доходов) зависимости от нефтегазовых налогов. При отсутствии диверсифицированной экономики других источников финансирования бюджетного дефицита не просматривается. Поэтому общий вектор поведения государства остается неизменным. Вслед за увеличением расходов бюджета растут налоги – причем не только на добычу и экспорт, но и на продажи нефтепродуктов

¹¹ Маслова В.В. Современное состояние аграрного сектора России // Бюджет. – 2011. – № 2. – URL: <http://bujet.ru/magazine/index.php>

внутри страны (очередное повышение акцизов на нефтепродукты в 2012–2014 гг. – в среднем примерно в 2,5 раза по сравнению со ставками 2010 г.). Очевидно, что правительство не готово идти на налоговые послабления отрасли, которая считается одним из основных кормильцев бюджета.

В то же время мы видим бессистемность в действиях правительства, которая приводит к разбалансировке ситуации на внутреннем рынке в ущерб российским потребителям. Выпадение доходов от экспорта нефтепродуктов (около 40 млрд долл. за 2005–2010 гг.) покрывалось за счет акцизов на топливо, коих было собрано, по нашей оценке, порядка 31 млрд долл. То есть оказавшееся неудачным стимулирование модернизации нефтепереработки фактически было переложено на плечи потребителей. Притом что стоимость бензина сегодня все в большей мере становится проблемой, отражающейся на уровне жизни большинства населения страны¹².

Сама идея подчиненности ценовой ситуации на внутреннем топливном рынке процессам на зарубежных сырьевых рынках противоречит здравому смыслу, ведь мы (слава богу!) пока еще не зависим от импорта моторных топлив¹³. Но сейчас при росте цен на углеводороды на внешнем рынке все инструменты действующей системы налогообложения работают на повышение стоимости нефтепродуктов внутри страны. Ставки НДС привязаны к ценам внешнего рынка. При увеличении цен на нефть на мировом рынке растет налог на добычу. Ежегодное увеличение ставок акцизов (от этой практики правительство не собирается отказываться) тоже оказывает давление на цены.

Растут цены на нефть, операционные и транспортные расходы нефтяников тоже не стоят на месте, ужесточается

¹² Только прямые расходы на бензин составляют в среднем до 10% семейного бюджета россиян. Но нужно учитывать еще и косвенные расходы, связанные с удорожанием всего и вся в результате роста цен на топливо.

¹³ Или уже зависим? Топливо-энергетическим балансом Союзного государства России и Беларуси впервые предусмотрены поставки 5,8 млн т белорусских нефтепродуктов (с Мозырского НПЗ) для российских потребителей. В рамках исполнения указанного баланса утвержден календарный план поставок на 2012 г. Кроме этого, с белорусских заводов в Россию поставляются нефтепродукты, производимые по давальческим схемам нашими компаниями. См.: Нефть России. – 2012. – 9 июл. – URL: <http://www.oilru.com/news/326073/>. Запланированные на 2012 г. объемы поставок из Беларуси в 1,8 раза превышают весь российский импорт нефтепродуктов 2011 года.

налоговый пресс, а органы власти посылают нефтепереработчикам недвусмысленные сигналы о том, что... цены на бензин не должны повышаться. «... Несмотря на рост акцизов с января 2012 года, у нас есть принципиальная договоренность с нефтяными компаниями, участниками рынка ГСМ, о неросте цен на энергоносители, в том числе на ГСМ в рознице»¹⁴.

Как нефтяные компании должны реагировать на подобные «сигналы»?

В такой ситуации обеспечение топливных потребностей внутреннего рынка становится для нефтяников если не обузой, то уж точно – сомнительным удовольствием. Добыча и экспорт сырья давали и дают сравнительно быстрые доходы. Развитие же нефтепереработки подразумевает многомиллиардные инвестиции, длительные сроки строительства объектов и риски их окупаемости – особенно в условиях непредсказуемых регуляторных действий со стороны государства.

Из огня да в полымя

Провалы рыночных механизмов регулирования государство пытается компенсировать путем административного вмешательства. Причем все это напоминает шараханье из стороны в сторону: то едва ли не все надежды мы возлагаем на «невидимую руку» рынка, то кидаемся в другую крайность – к жесткому «ручному управлению».

Очевидно, что нынешний технологический уровень российской нефтепереработки – ниже некуда. Еще немного – и отечественные НПЗ будут не в состоянии обеспечить потребности внутреннего рынка. Это колоссальная проблема, решение которой требует значительных финансовых затрат – программа модернизации отрасли за период 2011–2015 гг. оценивается в 1 трлн руб. (для сравнения: за предыдущее пятилетие было вложено порядка 600 млрд руб. в ценах 2011 г.). Во всяком случае, так планирует Минэнерго РФ¹⁵.

¹⁴ Из выступления бывшего главы Минэнерго С. Шматко на селекторном совещании с регионами. См.: Цены на топливо подзамерзнут до весны // Коммерсантъ. – 2012. – № 10/П (4795).

¹⁵ Объем инвестиций в нефтепереработку в 2011–2015 гг. ожидается в размере 1 трлн руб. // Интернет-портал сообщества ТЭК «EnergyLand.info», 09.07.2012. – URL: <http://www.energyland.info/news-show-tek-neftegaz-90082>

Хотя по «большому счету» триллион рублей инвестиций в нефтепереработку вряд ли сможет принципиально решить проблемы отрасли.

На сегодняшний день государству ничего не остается, кроме как заставить нефтяников обновлять производство при помощи директивных методов. Правительство пошло по пути подписания с нефтяными компаниями четырехсторонних соглашений по реконструкции и модернизации НПЗ. Имеются в виду соглашения между ФАС, Ростехнадзором и Росстандартом, представляющими государство, и каждой конкретной нефтяной компанией об исполнении программ строительства и реконструкции заводов. Аналогичные соглашения уже апробированы в электроэнергетике, где инвесторам, с одной стороны, грозят штрафы за срыв сроков ввода новых генерирующих мощностей, с другой стороны, государство гарантирует им окупаемость инвестиций, если работа выполнена в срок.

Если рассматривать среднестатистический российский завод, то на углубление переработки нужны инвестиции вдвое большие, чем на приведение качества топлив в соответствие с техрегламентом. Примечательно, что в первый этап «согласительной программы» (до 2015 г.) попали преимущественно малозатратные проекты, направленные на повышение качества нефтепродуктов. Строительство большинства комплексов глубокой переработки нефти, каждый из которых стоит более миллиарда долларов, отнесено на 2016–2020 гг. Такая последовательность свидетельствует, что нефтяные компании по-прежнему осторожно подходят к крупным инвестициям в глубокую переработку и намерены на первых порах избежать вложений, которые в их понимании являются рискованными.

В настоящее время российский рынок автобензина можно назвать наиболее дефицитным, но по иронии судьбы, система «60-66-90» менее всего стимулирует инвестиции именно в бензиновые процессы. К примеру, экономическая эффективность проектов каталитического крекинга серьезно страдает из-за коэффициента «90».

В целом же можно сказать, что тактические задачи (развязка топливных кризисов, наполнение бюджета, и т.п.) ставятся у нас выше стратегических, связанных с увеличением глубины переработки. Органы власти откликаются лишь на тактические вызовы и совершенно не способны к комплексному

решению основных отраслевых проблем. Отсюда – и тяга к «ручному управлению» на фоне привязанности к крупным компаниям в ущерб созданию конкурентной среды. По словам бывшего министра энергетики: «... с вертикально интегрированными компаниями мы в плотном контакте, и они достаточно легко нами контролируются в сравнении с независимыми операторами»¹⁶.

В условиях нынешней налоговой системы, нестабильной доходности внутреннего рынка и действующих на нем принципов ценообразования (на основе экспортного паритета) со скрипом развивается биржевая торговля нефтепродуктами. Биржи на нашем топливном рынке сегодня – все равно, что пятое колесо в телеге. Правительство надеялось, что, развивая механизмы биржевой торговли нефтепродуктами, автоматически получит прозрачный рынок, который возникнет как-то сам по себе (?!), а увеличение объемов торгов столь же автоматически приведет к снижению цен. Но, как показывает практика, биржевые котировки зачастую не отражают реального соотношения спроса и предложения – в периоды дефицита нефтяники могут легко «нарисовать» любые цены, проведя несколько адресных сделок между аффилированными структурами (когда покупателем является дочернее предприятие продавца); либо, наоборот, могут сократить выставляемые на торги объемы товара (чтобы не спровоцировать гнев ФАС за высокие цены).

Ситуация с биржей стала выправляться лишь после критики И. Сечина, который посетовал на то, что нефтяные компании фактически игнорируют биржевые торги. Так, например, «Газпром Нефтехим Салават» в результате биржевых торгов к концу 2011 г. реализовал свыше 100 тыс. т нефтепродуктов (бензин и дизтопливо) на СПБМТСБ и МБНК и планирует увеличивать свое присутствие на этих площадках, в том числе за счет сокращения экспорта (ранее его доля составляла до 80% производимой продукции)¹⁷.

В целом же, по мнению Минэнерго РФ, к лету 2012 г. на российском рынке нефтепродуктов сложилась стабильная

¹⁶ Российские цены на топливо заморозили // РБК (Quote.rbs.ru) 2012. – 23 янв. – URL: <http://quote.rbs.ru/topnews/2012/23/33539732.html>

¹⁷ Там же, СПБМТСБ – Санкт-Петербургская международная товарно-сырьевая биржа; МБНК – Межрегиональная биржа нефтегазового комплекса.

ситуация. Во всяком случае, так было заявлено на заседании **Штаба (!!!)** по мониторингу производства и потребления нефтепродуктов в РФ, которое состоялось 7 июня. Переработка нефти, объемы поставок продукции и товарные запасы растут (табл. 3)¹⁸.

Но ведь источник спроса на топливо тоже расширяется. За первое полугодие 2012 г. в России продажи новых автомобилей составили 1,4 млн ед., что на 14% больше, чем за тот же период 2011 г. В июне 2012 г. в России установлен рекорд месячных продаж – реализовано 272125 новых легковых и легких коммерческих автомобилей. Таким образом, на российском рынке впервые превышен докризисный уровень. Рынок уверенно движется к годовым показателям продаж – более чем 2,8 млн новых автомобилей¹⁹.

Таблица 3. Показатели обеспечения внутреннего рынка нефтепродуктами, тыс. т

Показатель	Январь–май 2012	Январь–май 2011	Прирост	%
Переработка нефти	111663	108573	3089	2,8
Производство автобензина	15722	15 09	614	4,1
Отгрузка на внутренний рынок				
– АИ-92	9945	8749	1196	13,7
– АИ-95	3518	2867	650	22,7
– зимнее дизтопливо	5962	5547	415	7,5
Товарные запасы топлива на начало июня				
– автобензин	1563	935	628	67,1
– дизтопливо	2068			

Есть все основания опасаться, что тяга российских властей к «ручному управлению» – основанному на простых решениях и приводящему к быстрым, но преходящим изменениям ситуации, – вряд ли позволит устойчиво развивать нефтепереработку и поддерживать долговременную стабильность на рынке.

¹⁸ В Минэнерго России состоялось очередное заседание штаба по мониторингу производства и потребления нефтепродуктов // Группа компаний RICCOM, 09.06.12. – URL: http://news.riccom.ru/news-text_news_5270.htm

¹⁹ В июне продажи автомобилей в России превысили докризисный уровень // Ведомости. – 2012. – 9 июля. – URL: http://www.vedomosti.ru/auto/news/2263665/v_iyune_prodazhi_avtomobilej_v_rossii_vpervye_prevysili

Есть ли выход? Да, нам нужен ПЛАН!

Для того чтобы предлагать какие-то решения, необходимо прежде всего дать честную и объективную оценку современного состояния российской нефтепереработки. А эта оценка может звучать только так: **отрасль находится в глубоком системном кризисе.**

На заре экономических реформ нельзя было обольщаться тем, что России в наследство от СССР достались крупные мощности нефтепереработки, намного превосходившие по размеру внутренние потребности. Эти мощности в значительной (если не в большей) своей части были неэффективными вследствие многих причин технико-технологического и экономического характера. Требовалось их серьезное обновление. Мы полагали, что рыночные механизмы сделают свое дело и заставят новых собственников повести нефтепереработку по пути эффективного развития. Увы, этого не произошло.

Таким образом, остается признать, что **«невидимая рука» рынка, на которую мы так надеялись, сама по себе оказалась бессильна в решении задач по развитию отечественной нефтепереработки.**

Разуверившись в рынке и в методах косвенного регулирования, мы резко подались в сторону простых административных мер воздействия на бизнес, занятый в сфере нефтепереработки и продаж нефтепродуктов. Но **«ручное управление»**, пригодное для кратковременного разрешения кризисных ситуаций, **не может быть основой для проведения долгосрочной стратегической политики по развитию отрасли.**

В поисках легких путей мы заблудились и подошли к самому краю пропасти. Еще шаг-другой и... далее – свободный полет с ускорением $9,8 \text{ м/с}^2$. Но вместо того чтобы отступить, мы резко метнулись в сторону, лишь на полшага удалившись от опасной черты.

Элементарный здравый смысл подсказывает, что нам нужно срочно остановиться и отдышаться. Разобраться с тем багажом, который тащим на себе, и выбросить лишнее. Решить, чего не хватает, где и как можно «подзаправиться» недостающим. Понять, куда мы собираемся прийти, заново сориентироваться, наметить маршрут – пусть даже очень трудный, но такой, который действительно может привести к цели, и снова двигаться в путь...

Нужно наконец-то признать, что **переход к рынку не отменяет планирование** – в особенности, когда речь идет о решении сложных экономических задач общенационального значения, а лишь видоизменяет его, вносит определенные коррективы в «форматы» разработки и выполнения планов.

Нам жизненно необходим **национальный план (программа)** развития и модернизации нефтепереработки и всей группы отраслей нефтегазохимического комплекса, согласующий действия государства и бизнеса. Вопрос сейчас – не в названии и формально-правовом статусе этого документа, а в сущности того, что нужно разработать и выполнить.

Как планировать?

Для начала нужно решить **обычную плановую задачу**, подобную тем, которые когда-то многократно решались в СССР, решаются сейчас в Китае и которыми постоянно занимаются все ведущие нефтяные корпорации мира, работающие в сфере нефтепереработки.

Нужно оценить перспективы внутреннего и внешнего рынка нефтепродуктов, составить прогнозные балансы производства и вероятного спроса, рассчитать потребные вводы мощностей по основным видам технологических процессов, выявить наиболее целесообразные варианты размещения новых мощностей, определить масштабы и направления развития инфраструктуры (прежде всего – нефтепродуктопроводных систем), составить перечни практических мер и шагов по развитию научно-технологического и проектно-инжинирингового базиса отечественной нефтепереработки.

При разработке плана нужно исходить из **адекватно понимаемых целей модернизации** нефтеперерабатывающей промышленности, а это – не только качество, но и количество производимой целевой продукции, т.е. **глубина переработки** сырья.

Мы же «заикнулись» на качестве и переходе к стандартам «ЕВРО-3» и т.д., забывая, кстати, что для производства высококачественного топлива требуются дополнительные ресурсы сырья, поскольку в нефтепереработке нет технологических процессов со 100%-м выходом товарного автобензина или дизтоплива. Сегодня у многих само понятие «модернизация

нефтепереработки» ассоциируется только с новыми техрегламентами и экологически чистым топливом.

Если же трезво смотреть на вещи, то естественным образом возникает вопрос: нужны ли такой огромной стране, как Россия, с ее разнообразием природных и экономико-географических условий, единые техрегламенты на топливо? Общие для Москвы и Урюпинска? Для мегаполисов, малых городов, сельской местности, бескрайних просторов Севера? Для густонаселенных, как или почти как в Западной Европе, территорий и огромных слабозаселенных просторов?

Ответ очевиден. Нам нужны дифференцированные (Россия – не Европа!) регламенты, определяющие технические требования к топливам, с учетом территориального разнообразия условий и объективной оценки негативного воздействия на окружающую среду²⁰.

В общем необходимо построить **долгосрочный оптимальный для национальной экономики план развития нефтепереработки** в рыночном пространстве, проанализировать и оценить факторы риска (в том числе экологического), с которыми может быть связана его реализация.

Требуется **обоснованная «разверстка» плана по участникам исполнения**. Национальный план – это не механическая сумма корпоративных планов и программ, сверстанных нефтяными компаниями с учетом собственных выгод. Все должно быть с точностью до наоборот. Задания национального плана должны доводиться до компаний-исполнителей и приобретать формат взаимосогласованных корпоративных планов.

В рамках национального плана должны быть определены **меры (и исполнители) по технологическому обеспечению отрасли** с выделением приоритетных направлений, к числу которых сегодня относится прежде всего воссоздание и

²⁰ Например, сейчас в России на долю автотранспорта приходится всего около 4% выбросов в атмосферу сернистых соединений (остальные 96% – от стационарных источников), по содержанию которых ужесточаются требования в новых техрегламентах. Потребление моторных топлив у нас на порядок (!) меньше, чем в Европе. Автотранспорт дает значительные выбросы летучих углеводородов, парниковых газов, соединений азота, но их сокращение – это вопрос качества не столько топлива, сколько двигателей внутреннего сгорания. Более подробно см.: *Шмат В.В.* О «революционной ситуации» в российской нефтепереработке // ЭКО. – 2008. – № 3–4.

развитие **инжиниринговой базы** и всех звеньев, соединяющих фундаментальную науку с производством.

Для финансирования деятельности в рамках национального плана (выполнения заданий) необходимо создать **целевой инвестиционный фонд**, формирующийся за счет:

- обязательных взносов нефтяных (интегрированных) и нефтеперерабатывающих компаний из выручки от экспорта нефтепродуктов;
- отчислений от акцизов на нефтепродукты, которые реализуются на внутреннем рынке (участие государства)²¹;
- средств независимых инвесторов (российских и зарубежных – независимо от профиля деятельности), заинтересованных осуществлять вложения в проекты развития нефтепереработки.

Размеры обязательных взносов должны ежегодно корректироваться с учетом общего баланса доходов и расходов фонда. Должен быть разработан и задействован **стимулирующий механизм реализации корпоративных планов** модернизации нефтепереработки за счет средств целевого фонда – с полным возмещением затрат и дополнительными бонусами для участников, строго выполняющих плановые задания.

Независимым инвесторам могут предоставляться права на осуществление отдельных проектов (доли участия в проектах), включенных в национальный план. Таким образом, реализация плана будет содействовать не только росту производственных показателей отрасли, но и **формированию конкурентной среды**.

Необходимы дальнейшее развитие косвенных (рыночных) регуляторов и совершенствование налоговой системы, чтобы создавать условия, при которых участие в реализации национального плана не должно вызывать отторжения у исполнителей. Нужно постараться сделать так, чтобы участие в плане было выгодным!

Один из ключевых вопросов – **формирование эффективной системы администрирования** процессов разработки

²¹ В настоящее время в консолидированном бюджете страны на долю акцизов на нефтепродукты приходится около 4,5% нефтяных доходов и 1,3% от общей суммы доходов. Наверное, для государства будет не смертельно, если какую-то часть собираемых акцизов целевым образом направить на развитие источника этого дохода – нефтеперерабатывающей промышленности.

и реализации национального плана. Опыт многих стран мира (в том числе США, Японии, азиатских «тигров», Китая и т.д.) показывает, что и в условиях рыночной экономики требуется грамотное администрирование при осуществлении масштабных планов, равно как сами эти планы необходимы для решения сложных экономических задач.

Своя модель, прагматизм и протекционизм

В итоге нам необходимо создать **оптимальное сочетание рынка, плана и администрирования**, а на основе этого – построить **собственную модель развития** нефтеперерабатывающей промышленности и рынка нефтепродуктов (точнее говоря, национальной экономики и нефтепереработки как составной части целого).

Заимствование чужой модели (неважно, китайской, норвежской, американской или еще какой-нибудь), а тем более осколков разных моделей с попытками склеить их друг с другом, дальнейшие поиски легких путей – бессмысленны и опасны. Нужно копировать не чьи-то готовые модели экономического развития, а **хорошо зарекомендовавшие себя принципы, имеющие универсальное значение, и грамотно применять их при построении своей модели.**

На первом месте должен стоять **прагматизм**, основывающийся на национальных экономических интересах. Декларируя свою самостоятельность, мы тем не менее постоянно оглядываемся то на Запад, то на Восток, опасаясь плохо выглядеть в глазах близких и дальних соседей и экономических партнеров. По сути же, не умея должным образом отстаивать свои интересы, мы слишком часто пытаемся сделать «хорошую мину при плохой игре».

Сказанное относится и к нашим рыночным реформам. В 1990-е годы мы слишком поторопились либерализовать хозяйственные отношения и институты без учета реального «технического» состояния экономики, а также поведенческих инстинктов зарождавшегося российского бизнеса. К сожалению, и сегодня мы не стремимся стать прагматиками, уповая на то, что можно модернизировать экономику в рамках либерально-рыночной модели, каким-то неестественным образом сочетающейся с «ручным управлением».

Прагматизм заключается и в умелом использовании своих конкурентных преимуществ. У России одним из таковых является относительная насыщенность и доступность энергоресурсов – нефти и газа, прежде всего. Тем не менее мы пытаемся выстроить модель внутреннего рынка по образцу Западной Европы, «обездоленной» энергоресурсами. Подчиняя процессы ценообразования на внутреннем рынке европейским и делая это путем повышения налогов (как в случае с нефтепродуктами), мы фактически убиваем свои конкурентные преимущества в производстве многих видов экспортной продукции. Ведь конкурировать сегодня нам приходится, например, в химической промышленности, в основном отнюдь не с европейскими странами, а с азиатскими и ближневосточными, куда смещается вектор развития «мирового химпрома».

Второй, не менее важный принцип – **разумный протекционизм**.

Ключевой задачей для нас является кардинальный подъем обрабатывающего, высокотехнологичного сектора экономики (включая нефтепереработку). Не припоминается случаев, чтобы в современном мире задачи подобного типа и масштаба решались с упором на чисто рыночные механизмы. В Японии, Корее, Китае, Бразилии и в других странах подобные процессы происходили и происходят при самом непосредственном участии государства. Причем государство выступает не только в роли координатора и главного субъекта планирования, но и защитника национального бизнеса от избыточной внешней конкуренции. К примеру, тот же Китай сегодня поощряет конкуренцию на внутреннем рынке, но отнюдь не допускает того, чтобы в важнейших отраслях экономики национальный бизнес вытеснялся иностранным.

Что касается нефтепереработки, то для наших модернизационных планов есть внешние риски, прежде всего это колоссальный профицит качественных перерабатывающих мощностей в Европе на фоне слабого европейского спроса и дополнительного предложения со стороны новых НПЗ на Ближнем Востоке. Избыток мощностей сохранится на всю среднесрочную перспективу. В Европе ситуация в нефтепереработке осложняется обсуждаемым или уже принятым регламентом повышения эффективности работы транспортного сектора с расширением использования биотоплива и автопарка

с альтернативным типом двигателя. В этих условиях к 2020 г. Европе вряд ли потребуются наши светлые нефтепродукты европейского качества. Таким образом, расширение российской нефтепереработки будет ограничиваться спросом в Европе, которая остается основным ареалом для экспорта российских нефтепродуктов. В борьбе за потребителя российские НПЗ с их колоссальными транспортными издержками если и способны конкурировать с местными производителями, то только за счет налоговых и таможенных льгот, предоставляемых российскими властями.

И вообще на зарубежных рынках конечной (в особенности – сложной и высокотехнологичной) продукции нас встречают неохотно. Само проникновение на эти рынки для отечественного бизнеса без государственной поддержки крайне проблематично.

Не может вызывать опасений и обратный процесс зарубежной экспансии на российском рынке технологий, оборудования, промышленного инжиниринга, который зримо просматривается на примере нефтепереработки. В вопросах технологического развития отрасли, если мы не хотим навсегда остаться в зависимости от «заграницы», от государства требуется не просто поддержка, а во многих случаях – активный протекционизм. Ведь, в конечном счете, стратегические перспективы эффективного и устойчивого развития российской нефтепереработки будут определяться не тем, сколько нефти мы сможем переработать, сколько и какого качества продукции сможем производить, а тем, на каком технологическом базисе – национальном или иностранном – это будет делаться.

Тогда и никакие внешние силы не смогут диктовать нам условия, выставлять ограничения и указывать пути реформирования – в значительной степени именно те самые «легкие пути», по которым мы движемся уже на протяжении четверти века. Только независимость, в том числе технологическая, является гарантией свободы выбора пути на основе собственной прагматичной модели развития, обеспечивающей защиту наших национальных интересов и нацеленной на максимизацию национальных выгод.